

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

П. А. Братенко

Научный руководитель: В. С. Шемет, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент

Взятничество – наиболее распространенный вид коррупции – не относится к новым явлениям. Так, А. М. Клим, исследуя истоки взяточничества, отмечал, что «из числа преступлений против интересов службы взяточничество является самым ранним» [3, с. 1].

Это негативное явление имеет чрезвычайно глубокие исторические корни, отправной точкой которого стало возникновение института «кормления».

Посул, как основной вид таких подношений, представлял собой добровольное частное вознаграждение должностному лицу и изначально имел безусловно легальный характер, но постепенно это понятие начало криминализироваться: первое упоминание о посуле как незаконном вознаграждении за осуществление официальных властных полномочий отражено в Двинской уставной грамоте 1397–1398 гг.; законодательное запрещение посула получило в Псковской судной грамоте 1397 г., согласно которой судьям запрещалось брать «тайные посулы»; вслед за Псковской Судной грамотой запрет на посул как взятки вводился в Судебнике 1497 г., но никакого наказания за его получение не устанавливало, позже данный пробел был восполнен в Судебнике 1550 г. [5, с. 1; 1, с. 10; 2, с. 59].

Несмотря на свою историческую длительность, взяточничество по-прежнему остается одним из наиболее опасных явлений, серьезно затрудняя нормальное функционирование всех общественных механизмов, дискредитируя и подрывая при этом авторитет власти в глазах населения, потворствуя масштабным злоупотреблениям и преступности.

Так, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении от 26 июня 2003 г. №6 «О судебной практике по делам о взяточничестве (статьи 430, 431 и 432 Уголовного Кодекса Республики Беларусь)», отметил, что указанное явление «создает угрозу правам и свободам граждан, государственным и общественным интересам. Взятничество подрывает принципы государственного управления, равенства и социальной справедливости, сдерживает экономическое развитие, угрожает моральным устоям общества, оказывает негативное влияние на правосознание граждан».

Таким образом, тема предупреждения взяточничества была и остается одной из актуальных. Результаты противодействия коррупции, в частности, преступлениям, составляющим взяточничество, во многом зависят от комплекса принимаемых общественно-политических, экономических и социальных мер.

В этом контексте особое значение приобретает использование криминологических данных (данных криминологического анализа), характеризующих такие деяния. Хотя статистические данные не дают полного и объективного представления о преступности (коррупционные преступления обладают высоким уровнем латентности) и скорее отражают уровень эффективности работы правоохранительных органов, анализ статистических показателей позволяет судить об общем состоянии преступности и о ее свойствах [7, с. 202]. Теоретическим базисом для такого анализа служит криминологическая характеристика взяточничества, под которой понимается система количественных и качественных параметров [4, с. 41].

В число криминологических значимых количественных и качественных показателей преступности в самом обобщенном о них представлении входят сведения, которые характеризуют их состояние, уровень (коэффициент), динамику, темпы роста (прироста), структуру. Рассмотрим их подробнее.

Согласно официальной статистике с 2013 по 2022 г. состояние взяточничества выглядит следующим образом: в 2013 г. было зарегистрировано 1319 фактов взяточничества, в 2014 г. – 782, в 2015 г. – 1112, в 2016 г. – 1254, в 2017 г. – 1922, в 2018 г. – 1999, в 2019 г. – 1876, в 2020 г. – 635, в 2021 г. – 579, в 2022 г. – 815 [6]. За анализируемый период, то есть 10 лет, наблюдается сложная динамика данного вида преступления – количество зарегистрированных случаев взяточничества немного сократилось, однако нет однозначной тенденции к уменьшению или увеличению этого явления.

Так, в 2014-м г. по сравнению с 2013 г. произошел значительный спад, и число официально выявленных фактов снизилось до 782. С 2014 по 2018 г. наблюдалась стойкая тенденция роста данных преступлений: в 2014 г. зарегистрировано – 782 (темп роста составил 59,29 % по сравнению с предыдущим годом), в 2015 г. – 1112 (темп роста – 142,2 %), в 2016 г. – 1254 (темп роста – 112,77 %), в 2017 г. – 1922 (темп роста – 153,27 %), в 2018 г. – 1999 (темп роста – 104,01 %). Далее в течение трех лет – с 2019 по 2021 г. – в регистрации официально выявленных фактов взяточничества идет снижение (в 2019 г. темп роста составил –123 % по сравнению с предыдущим годом, в 2020 г. темп роста составил –1241 %, в 2021 г. темп роста составил –56 %), однако в 2022 г. вновь выразилась тенденция положительной динамики, то есть в сравнении с предыдущим годом выявлено 236 преступлений, темп роста составил 140,76 %.

Анализ данных по статистическому показателю в виде абсолютного прироста преступлений в сравнении с предыдущим годом также позволяет сделать вывод, что ряд последовательных значений этого статистического показателя имеет волнообразный характер – на фоне снижения зарегистрированных преступлений, составляющих взяточничество, в 2014 (абсолютный прирост составил –537, темп прироста –40,71 %), 2019 (абсолютный прирост составил –123, темп прироста –6,15 %), 2020

(абсолютный прирост составил –1241, темп прироста –66,15 %) и 2021 гг. (абсолютный прирост составил –56, темп прироста –8,82 %), наблюдается их рост (по отношению к предыдущему году) в 2013 (абсолютный прирост составил +386, темп прироста 41,37 %), 2015 (абсолютный прирост составил +330, темп прироста 42,2 %), 2016 (абсолютный прирост составил +142, темп прироста 12,77 %), 2017 (абсолютный прирост составил +668, темп прироста 53,27 %), 2018 (абсолютный прирост составил +77, темп прироста 4,01 %) и 2022 гг. (абсолютный прирост составил +236, темп прироста 40,76 %). При этом наибольший прирост зарегистрированных фактов взяточничества в виде абсолютного прироста в сравнении с предыдущим годом наблюдался в 2013-м, 2015-м и 2017-м гг., а наибольшее снижение – в 2014-м и 2021-м гг.

Что касается изменений структуры преступности, можно отметить, что удельный вес взяточничества в общей массе регистрируемой преступности с 2013 по 2022 г. сравнительно невелик и составляет в 2020 г. – 0,67 %, в 2021 г. – 0,66 %, в 2022 г. – 0,92 %. Однако это несколько не умаляет общественную опасность данного вида преступления. В структуре коррупционной преступности за анализируемый период взяточничеству принадлежит значительная доля – 53,1 %. Более того, наблюдается тенденция устойчивого роста удельного веса взяточничества в общем объеме коррупционной преступности с 2013 г.: от 55,5 % (2013 г.) до 75,7 % (2022 г.).

Между тем, как отмечалось ранее, коррупционные преступления, в частности, преступления, составляющие взяточничество, отличаются чрезвычайно высоким уровнем латентности. Эта проблема привлекает внимание не только практиков, но и ученых (А. И. Долгова, А. М. Клим, В. М. Хомич, В. В. Лунеев, Е. В. Красникова и др). Специалисты отмечают, что «при анализе преступности также важно учитывать, что общеуголовная преступность, особенно связанная с пьянством, а также вся преступность несовершеннолетних выявляется более репрезентативно, чем тщательно планируемая организованная экономическая преступная деятельность, в частности, коррупционная преступность, которая по экспертным оценкам учитывается не более чем на 2–5 %, а по мнению, например, В. В. Лунеева, вообще лишь как 1:1000» [8, с. 103]. В этом контексте профессор В. М. Хомич пишет: «Если эти оценки признать более или менее адекватными, то основная масса коррупционных отклонений все-таки не выявляется и составляет социальную и мотивационную основу ее устойчивости и живучести» [9, с. 78]. Таким образом, многие исследователи приходят к выводу, что в действительности удельный вес взяточничества намного превышает те показатели, которые представлены в официальной статистике из-за высокой латентности этого явления.

Резюмируя вышеизложенное, обозначим некоторые составляющие криминологической характеристики взяточничества:

1. В целом в Республике Беларусь за период с 2013 г. по 2022 г. отсутствует четко выраженная динамика на уменьшение либо увеличение количества преступлений (2013 г. – 1319, 2022 г. – 815).

2. Статистический показатель в виде абсолютного прироста преступлений в сравнении с предыдущим годом также имеет волнообразный характер: на фоне снижения зарегистрированных преступлений, составляющих взяточничество в 2014, 2019, 2020 и 2021 гг., наблюдается их рост (по отношению к предыдущему году) в 2013, 2015, 2016, 2017, 2018 и 2022 гг. Наибольший прирост зарегистрированных фактов взяточничества в виде абсолютного прироста в сравнении с предыдущим годом наблюдался в 2013-м, 2015-м и 2017-м гг., а наибольшее снижение – в 2014-м и 2021-м гг.

3. Если удельный вес взяточничества в общей структуре преступности на протяжении анализируемого периода колебался в диапазоне от 0,66 до 2,39 %, причем за последние три года варьировался несущественно: в 2020 г. – 0,67 %, в 2021 г. – 0,66 %, в 2022 г. – 0,92 %, то удельный вес взяточничества от общего количества коррупционной преступности изменялся заметно: начиная с 55,5 % в 2013 г., к 2022 г. данный показатель составил 75,7 %.

4. В структуре коррупционной преступности за анализируемый период наибольшая доля принадлежала преступлениям, составляющим взяточничество, доля которого за анализируемый период – 53,1 %.

5. Многие ученые отмечают, что высокая латентность коррупционных преступлений, включая взяточничество, подчеркивает необходимость критического подхода к данным официальной статистики. Так, по экспертным оценкам специалистов, «экономическая преступная деятельность, в частности, коррупционная преступность, учитывается не более чем на 2–5 %, а по мнению, например, В. В. Лунеева, вообще лишь как 1:1000». Эти данные скорее отражают оценку эффективности работы правоохранительных органов.

Список использованных источников:

1. Ананьева, Н. Г. Ответственность за должностные преступления по Судебнику 1550 года / Н. Г. Ананьева // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Юрид. науки. – 2011. – № 4 (3). – С. 10–12.

2. Веремеенко, В. М. История возникновения и развития в досоветский период уголовного законодательства об ответственности за взяточничество / В. М. Веремеенко // Вестник Академии МВД Респ. Беларусь. – 2014. – № 2 (28). – С. 55–60.

3. Клим, А. М. Исторический аспект взяточничества / А. М. Клим // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе: материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск, 13–14 окт. 2006 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А. В. Барков (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2007. – С. 1–3.

4. Криминология / С. Б. Алимов [и др.]; под. ред. И. И. Карпеца, В. Е. Эминова. – М.: Манускрипт, 1992. – 320 с.
5. Лезина, Е. П., Леонтьев, А. В. Ретроспективный анализ истории уголовной ответственности за «Мздоимство» в России в период XIV-XIX вв / Е. П. Лезина, А. В. Леонтьев // Огарёв-Online. – 2017. – №3 (92). – С. 1–5.
6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/>. – Дата доступа: 26.02.2024.
7. Стаценко, В. Г. Криминология: учебник / В. Г. Стаценко. – Минск: Высшейш. шк., 2018. – 278 с.
8. Стаценко, В. Г. Официальная и латентная преступность: об актуальности криминологического анализа / В. Г. Стаценко // Право.by. – 2012. – № 3. – С. 100–105.
9. Хомич, В. М. Криминология коррупции и коррупционных деликтов / В. М. Хомич // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2009. – № 1. – С. 77–90.